

RU

Функциональная семантика эмотивных единиц в прозе А. П. Чехова и И. А. Бунина: общее и специфическое (на материале микрополя «Печаль»)

Киселева Л. А., Тодосиенко З. В.

Аннотация. Цель исследования – на примере эмотивов печали комплексно представить общие и различительные особенности функциональной семантики обозначений эмоций в прозе А. П. Чехова и И. А. Бунина. В статье выделены важнейшие аспекты указанной эмоции, вербально репрезентированные в рассказах обоих писателей; проанализированы синтагматические и парадигматические связи эмотивов печали и на основе этого определены наиболее значимые контекстуальные смыслы данных лексем, актуализируемые в рассматриваемых произведениях. Научная новизна проведённого исследования заключается в том, что в нём впервые проводится сопоставительный анализ эмотивных лексем в прозе А. П. Чехова и И. А. Бунина с точки зрения функционально-семантических сходств и различий этих единиц. В результате исследования установлено, что в прозаических произведениях А. П. Чехова и И. А. Бунина представлены как общие, так и специфические содержательные характеристики эмотивов печали. Сходство функциональной семантики данных единиц проявляется в том, что в рассказах обоих писателей они употребляются как для описания внутреннего состояния героев, так и для эмоциональной характеристики явлений мира, причём в первом случае может репрезентироваться статальный либо динамический аспект эмоции. Кроме того, в прозе Чехова и Бунина подчёркивается амбивалентность состояния печали с помощью неявных оксюморонов. К числу специфических особенностей функциональной семантики эмотивов печали в рассказах Чехова можно отнести то, что писатель почти не использует индивидуально-авторские метафоры для описания этой эмоции, тогда как в произведениях Бунина такие образные средства представлены довольно ярко. Установлено также, что в буниной прозе посредством эмотивов печали активно осуществляется эмоциональная характеристика явлений окружающего мира (прежде всего света и звука).

EN

Functional semantics of emotive units in A. P. Chekhov's and I. A. Bunin's prose: The general and the specific (based on the material of the microfield "Grief")

L. A. Kiseleva, Z. V. Todosienko

Abstract. The aim of the study is to represent the general and distinctive features of functional semantics of emotion nominations in A. P. Chekhov's and I. A. Bunin's prose on the example of grief emotives. The article highlights the most important aspects of the given emotion, verbally represented in both writers' prose; syntagmatic and paradigmatic connections of grief emotives are analyzed and, on this base, the most significant contextual meanings of these lexemes are defined, which are actualized in the considered works. The scientific novelty of the conducted study is that it offers the first comparative analysis of emotive lexemes in A. P. Chekhov's and I. A. Bunin's prose from the point of view of functional-semantic similarities and differences of these units. The research established that both general and specific semantic characteristics of grief emotives are represented in A. P. Chekhov's and I. A. Bunin's prose works. The similarity of the functional semantics of these units is manifested in the fact that in both writers' prose they are used for describing the characters' inner state as well as for the emotional characteristic of the phenomena of the world, with the first case potentially representing a static or a dynamic aspect of the emotion. Furthermore, in Chekhov's and Bunin's prose the ambivalence of the grief condition is highlighted by means of hidden oxymorons. One of the specific features of the functional semantics of grief emotives in Chekhov's prose is that the writer rarely uses authorial individual metaphors for describing this emotion, while in Bunin's prose such expressive devices are quite vividly represented. The study also established that in Bunin's prose the emotives of grief are actively used for the emotional characteristic of the phenomena of the surrounding world (first and foremost, light and sound).

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов к антропоцентрической проблематике, предполагающей изучение языка в тесной связи с продуцирующей его личностью, в том числе фокусирование внимания на субъективных аспектах языковой/речевой деятельности. С этой точки зрения особенно значимым представляется анализ категории эмотивности, связанной с вербальной репрезентацией внутренних переживаний посредством единиц разных уровней, прежде всего лексических. Исследование категории эмотивности может проводиться с опорой на различный материал, при этом значительный интерес вызывает анализ закономерностей её текстовой экспликации, так как именно в рамках связного текста осуществляется комплексное выражение явлений чувственной сферы. Развёрнутое описание эмоционального мира человека в наибольшей мере характерно для художественных текстов, одной из эстетических задач которых является многомерное воссоздание психологических состояний. В связи со сказанным обращение к закономерностям вербализации эмоций в прозе А. П. Чехова и И. А. Бунина представляется нам вполне обоснованным.

Сопоставление «двух писательских судеб, двух творческих биографий, двух имён – Чехов и Бунин» (Гейдеко, 1976) неоднократно осуществлялось отечественными исследователями, однако не все аспекты взаимосвязи художественного мира двух авторов изучены в одинаковой мере. Наличие внутренних переключений в творчестве Чехова и Бунина, отмеченное многими учёными, может получить различную интерпретацию в зависимости от исходного основания сравнения. На наш взгляд, вопрос о преемственности или, напротив, преодолении чеховских традиций в прозе Бунина должен решаться с позиций не только литературоведческих, но и лингвистических. В этом плане весьма важным представляется анализ лексико-семантической организации текстов Чехова и последующее её сопоставление с аналогичной системой в произведениях Бунина. В данной работе мы хотели бы сосредоточить своё внимание на рассмотрении такого значимого компонента лексико-семантической структуры произведений Чехова и Бунина, как поле эмотивности. Обращение именно к данному классу единиц объясняется тем, что и в малой прозе Чехова, и в лирических новеллах Бунина обозначения эмоций (далее – эмотивы) не только выступают как одна из наиболее богатых и разнообразных лексических группировок, но и отличаются высокой степенью частотности. Подчёркнуто повышенное внимание Бунина к эмоциональной сфере, несомненно, имеет глубокие основания, связанные с дальнейшим развитием традиций чеховского психологизма. При этом доминирующий в прозе Чехова принцип «внутренней сосредоточенности» своеобразно преломляется в творчестве Бунина. Однако, несмотря на широкое употребление наименований эмоций в произведениях данных авторов, имеется лишь небольшой ряд работ, специально посвящённых анализу эмотивного фонда в произведениях Чехова (Алиева, Серебрянская, 2015; Муминов, Толстякова, 2020) и Бунина (Антюфеева, 2005; Ильина, 1998; Калимуллина, 1999), тогда как сопоставительное изучение указанной группы лексем на материале творчества двух этих писателей до настоящего времени не привлекало внимание лингвистов. Именно поэтому анализ заявленной проблематики, осуществляемый в данной работе, можно считать востребованным и своевременным.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить ряд задач:

- выявить и систематизировать контексты, содержащие эмотивы печали в рассказах А. П. Чехова и И. А. Бунина;
- проанализировать парадигматические и синтагматические связи эмотивов печали и на основе этого описать наиболее значимые контекстуальные смыслы данных лексем, актуализируемые в рассматриваемых произведениях;
- провести сопоставительный анализ эмотивов печали в прозе Чехова и Бунина с точки зрения функционально-семантических сходств и различий этих лексем.

Объектом нашего исследования выступает отдельный компонент поля эмотивности в прозе Чехова и Бунина – обозначения эмоции печали. Материалом исследования послужила картотека единиц микрополя «Печаль», извлечённых методом сплошной выборки из рассказов А. П. Чехова рубежа XIX–XX веков («Дом с мезонином», «Дама с собачкой», «Невеста», «Крыжовник», «О любви» и т. д.), а также из цикла лирических новелл И. А. Бунина «Тёмные аллеи», представленных в следующих источниках:

- Чехов А. П. Дом с мезонином: повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1983.
- Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Правда, 1988. Т. IV.

Всего нами проанализировано около 200 контекстов (по 100 примеров из произведений каждого автора). Для решения поставленных задач в работе использован комплекс взаимосвязанных методов: сбор фактического языкового материала осуществлялся с помощью метода сплошной выборки; в ходе изучения парадигматических и синтагматических связей эмотивов печали применялись методы семантического анализа (компонентный, контекстуальный и функционально-семантический); в целях выявления общих и индивидуально-авторских характеристик эмотивов печали в прозе А. П. Чехова и И. А. Бунина использовался сравнительно-сопоставительный метод.

Теоретической базой исследования послужили работы, посвящённые рассмотрению специфики психологизма прозы А. П. Чехова (Алексина, Степин, 2022; Овсяннико-Куликовский, 2022) и И. А. Бунина (Горелов, 1976; Двинятина, 1996; Линков, 1989; Сливицкая, 2004; Штейман, 2022), в которых выявлены наиболее значимые тенденции описания внутреннего мира человека в творчестве данных авторов. При выделении основных

закономерностей вербализации авторских представлений о таком внутреннем состоянии, как печаль, мы опирались на работы, в которых определена специфика языкового выражения эмоций в художественных текстах (Баженова, 2004; Муллинова, 2004).

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что его материалы и результаты могут найти применение в процессе преподавания ряда вузовских курсов (современный русский язык (раздел «Лексикология»), лингвистический анализ текста, функциональная стилистика и др.), подготовке учебно-методических пособий по данным дисциплинам. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного: усвоение эмотивной лексики, обладающей диффузной семантикой, представляет значительную трудность для инофонов, поэтому знакомство с высокохудожественными образцами использования этих единиц в произведениях классической русской литературы будет способствовать лучшему пониманию семантики данных слов и их успешному употреблению в речи.

Обсуждение и результаты

Прежде чем обратиться к анализу функциональной семантики эмотивных единиц в прозе А. П. Чехова и И. А. Бунина, необходимо кратко определить основные черты психологизма прозы данных авторов. Так, для рассказов Чехова характерна своеобразная эскизность и лаконичность изображения эмоционального мира человека, которая проявляется в том, что даже самые интенсивные внутренние переживания персонажей описываются не прямо, а опосредованно, через определённые детали, прежде всего связанные с внешним (невербальным) проявлением эмоций. Кроме того, большую роль в раскрытии психологических состояний играют внутренние монологи, в которых преимущественно употребляются эмотивные единицы. Если иметь в виду психологические открытия Бунина, то они также являются весьма значимыми, при этом их специфика обусловлена творческой установкой на углублённый анализ действительности, прежде всего субъективной (Киселева, 2018). Неоднократно отмеченный критиками интерес Бунина к сфере «чистой» психологии, своеобразный «панпсихологизм» его произведений определяется как идейно-эстетическим своеобразием творчества писателя, так и авторским видением мира в целом: проза Бунина «антиисторична», свободна от разного рода социологизмов в мотивировке характеров, чем и объясняется заострённое внимание к детальной обрисовке внутренних переживаний, с целью чего широко используются обозначения эмоций (Калимуллина, 1999).

Что касается интересующих нас эмотивов печали, то в произведениях как Чехова, так и Бунина данное микрополе формируется за счёт довольно большого количества слов разных частей речи, которые обозначают градацию интенсивности этой эмоции: *грусть* (*грустный, грустно, грустить*), *печаль* (*печально, печальный*), *уныние* (*унылый, уныло*), *скорбь* (*скорбный, скорбеть*), *тоска* (*тосковать*) и т. д. Эти единицы употребляются как для описания внутреннего состояния героев, так и для эмоциональной характеристики явлений мира. Например, в прозе Чехова первый тип эмоциональных ситуаций представлен довольно широко, и для его вербализации нередко используются эмотивы, относящиеся к категории состояния: «– А мне все эти дни так **невесело**, – сказала *Надя, помолчав*» (1983, с. 291) («Невеста»); «*Было серо, тускло, **безотраднo**, хоть огонь зажигаи...*» (1983, с. 297) («Невеста»). Аналогичные контексты не менее часто встречаются и в рассказах Бунина: «– Да, всё Дума да Дума... Не выпить ли нам коньяку? **Грустно** что-то <...> От весны, должно быть, **грустно**» (1988, с. 149) («Речной трактир»). Такие формы не столько актуализируют пассивность переживания печали (любой эмоциональный процесс активен), сколько подчёркивают его статальный аспект, в частности отсутствие внутреннего развития и замкнутость в чувствующем лице. Подобная статальность подразумевает идентификацию состояния лишь самим героем, но никак не посторонним наблюдателем. Этим объясняется тот факт, что в прозе и Чехова, и Бунина эмотивы типа *грустно, печально, невесело* и т. д. чаще всего употребляются в тех высказываниях, которые принадлежат персонажам, непосредственно испытывающим горестные чувства. Кроме того, в рассказах Чехова статальный аспект печали формально выражается с помощью имён прилагательных (иногда в краткой форме): «*Она не плакала, но **была грустна**, точно больна, и лицо у неё дрожало*» (1983, с. 227) («Дама с собачкой»). В прозе Бунина сходную функцию выполняют абсолютно употреблённые имена существительные: «*Ночью, в дождь, страшная **тоска**. Раскройшь окно – ни души нигде, совсем мёртвый город...*» (1988, с. 96) («В Париже»). Именные эмотивы печали, функционирующие в прозе Бунина в качестве субъекта номинативных предложений, опредмечиваются и становятся в один ряд с конкретной лексикой, то есть описывают своего рода «мысленные ситуации» (Телия, 1987, с. 71).

Напротив, динамические характеристики анализируемого внутреннего состояния передаются с помощью глагольных эмотивов, которые в контексте могут претерпевать определённые семантические трансформации. Например, в рассказах Чехова процессуальность печали может подчёркиваться, с одной стороны, путём употребления интенсификаторов: «*Надя уже **сильно тосковала** и каждый день думала о матери и о бабушке, думала о Саше*» (1983, с. 299) («Невеста»); с другой – посредством сочетания эмотивов печали с обозначениями интеллектуальных (мыслительных) процессов: «*К моим **мыслям** о человеческом счастье всегда почему-то **примешивалось что-то грустное...***» (1983, с. 176) («Крыжовник»). В прозе Бунина нами также зафиксированы примеры сочетания эмотивов печали с ментальными предикатами, которые обозначают процессы, связанные не только с мышлением, но и памятью: «*<...> **Всё ещё грустишь, вспоминаешь** свою дачную девицу с костлявыми ступнями?» (1988, с. 43) («Руся»); «*По дороге из Москвы в Тулу спокойно **грустил**: вот опять я дома, а зачем?*» (1988, с. 142) («Натали»). В последнем случае эмотив *грустить* функционирует в качестве предиката*

мышления, вводящего внутреннюю речь персонажа. Эти факты позволяют нам не согласиться с мнением А. Горелова (1976) об «антиинтеллектуализме» прозы Бунина: на наш взгляд, эмоциональный мир его героев предстаёт не изолированным от рациональной сферы, а неразрывно связанным с ней, поскольку сами чувства становятся более определёнными в ходе когнитивного процесса рассуждения. Наши наблюдения подтверждаются и другими примерами. Так, с одной стороны, писатель конкретизирует сущность анализируемой эмоции посредством её «совмещения» с интеллектуальными состояниями, например с сожалением: «*И опять стало грустно – жаль покидать привычную комнату и всю московскую зимнюю жизнь...*» (Бунин, 1988, с. 108) («Генрих»). С другой стороны, эмотивы печали зачастую выступают в функции так называемого обстоятельства состояния при предикатах мышления: «– *Я только что ходил в поле, с грустью думал, что скоро покину вас...*» (Бунин, 1988, с. 135) («Натали»). На наш взгляд, писатель подчёркивает не только временную соотнесённость *emotio* и *ratio*, но и их единство в процессах оценки окружающего. Аналогичное утверждение можно отнести и к прозе Чехова: склонность персонажей его рассказов к саморефлексии указывает на то, что в их психологической структуре одинаково значимое место занимают как эмоциональный, так и рациональный компоненты. При этом в одном контексте с ментальными предикатами часто употребляются эмотивы со значением не только печали, но и других эмоций, например любви: «*Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего...*» (Чехов, 1983, с. 186) («О любви»).

Ещё одной важной особенностью описания печали в прозе Чехова является одновременное акцентирование нескольких граней данной эмоции. Например, писатель уделяет внимание обрисовке внешних проявлений эмоционального состояния, которые репрезентируются путём сочетания наречных (реже – адъективных) эмотивов с лексемами, входящими в различные семантические поля. Среди дескрипторов, содержащихся в авторских ремарках, преобладают двух-, трёхсловные обороты, которые выступают как прямые характеристики эмоции. Так, нами зафиксированы сочетания эмотивов печали с предикатами положения в пространстве: «*...по сторонам лица печально висели длинные волосы, она задумалась в унылой позе, точно грешница на старинной картине*» (Чехов, 1983, с. 224) («Дама с собачкой»). В лирических новеллах Бунина примеры сочетаний эмотивов печали с предикатами тех или иных семантических полей зафиксированы в гораздо большем количестве, при этом ведущую роль играют предикаты речи: «– *Поедемте ко мне, – сказал он печально. – Посидим, поговорим ещё...*» (1988, с. 98) («В Париже»); чувственного (в частности, зрительного) восприятия: «*И вот в этой-то избе под дубом и сжигал я... тайком бросая горестные взоры на его молчаливую жену Анфису...*» (1988, с. 161) («Дубки»); психофизиологических процессов: «– *Ну что ж, если убьют, я буду ждать тебя там... Я горько заплакала*» (1988, с. 174) («Холодная осень») и т. д. Такие обороты, весьма характерные для идиостиля Бунина, являются повторяющимися строевыми элементами, а потому представляют собой языковой стандарт, не несущий особой экспрессивной нагрузки. Напротив, эстетическую функцию выполняют сочетания, которые в образной форме воссоздают реальные или гипотетические аспекты печали, носящие уникальный характер. К примеру, имена печали входят в состав конструкций, в основе которых лежат различные типы онтологических метафор, уподобляющих это чувство предметным реалиям мира: «*Только светлые глаза его смотрели с сухой грустью...*» (Бунин, 1988, с. 91) («В Париже»); «*Он долго глядел на него, подавленный ровной безнадёжной тоской...*» (Бунин, 1988, с. 118) («Генрих»). В прозе Чехова такие примеры являются единичными.

Особое место в прозе как Чехова, так и Бунина занимают контексты, фиксирующие амбивалентность состояния печали. Так, в рассказах Бунина довольно часто используются оксюморонные обороты, основанные на такой важнейшей метафоре, связанной с внутренними переживаниями, как «эмоция – вкусовое ощущение»: «*Он стал внутренне, без слов молиться о какой-то небесной милости... с горькой радостью чувствуя свое соединение с небом...*» (1988, с. 72) («Зойка и Валерия»); «*...под глухое, полое бормотание бубенцов закачался по глубокой и беззвучной дороге, смутно и горестно-сладко думая только о нём [пережитом]*» (1988, с. 160) («Начало»). Названные единицы восходят к элегическому языку романтиков и Пушкина, а потому характеризуются традиционной образностью и воспринимаются как поэтические штампы. Гораздо больший интерес представляет тот факт, что в прозе как Чехова, так и Бунина для передачи сложных душевных переживаний героев активно используются авторские неявные оксюмороны. С одной стороны, писатели сближают печаль с эмоциями положительного спектра, тем самым предопределяя сдвиг в значении эмотивов, которые приобретают позитивную оценку: «*Мы обнялись и всплакнули от радости и от грустной мысли, что когда-то были молоды, а теперь оба седые и умирать пора*» (Чехов, 1983, с. 174–175) («Крыжовник»); «*Ах, как было хорошо! Везде лужи, воздух уж мягкий, на душе как-то нежно, грустно...*» (Бунин, 1988, с. 205) («Чистый понедельник»). В таких случаях наблюдается расхождение между отрицательной системно-языковой оценкой печали с точки зрения «общего мнения» («когда человек печалится – это плохо») и её положительной речевой оценкой с точки зрения персонажей/автора. С другой стороны, индивидуально-авторские неявные оксюмороны создаются за счёт сочетания обозначений печали и других отрицательных эмоций. Такие оксюмороны во многом нарушают существующие стереотипные представления о том, что некоторые эмоции не могут переживаться одновременно с другими: так, печаль не может сопровождаться страхом, гневом и т. д. Следовательно, анализируемые сочетания включают эмотивы, не противопоставленные друг другу в виде антонимов в рамках языковой системы, но обозначающие такие эмоции, полярность которых закреплена в более широкой – неязыковой – картине мира. Именно поэтому в данном случае мы ведём речь о неявных оксюморонах: «*Я только скорблю душевно, раздражаюсь, досадою...*» (Чехов, 1983, с. 177) («Крыжовник»); «*Он был поражён, увидя её, – так похудела и поблёкла она вся, так несмелы и грустны были её глаза*» (Бунин, 1988, с. 88) («Таня»).

Ещё один тип текстовых ситуаций печали – эмоциональная характеристика явлений окружающего мира – также довольно ярко репрезентируется в прозе Бунина, тогда как в произведениях Чехова такие примеры встречаются нечасто. В бунинских рассказах круг этих явлений отличается определённой избирательностью и включает в себя:

- свет: «*В номере было уже совсем темно, – только печальный полусвет от фонарей с улицы*» (Бунин, 1988, с. 26) («Муза»);
- пространственные объекты: «*Уже далеко, далеко остался тот печальный полустанок*» (Бунин, 1988, с. 42) («Руся»);
- идеальные конструкты: «– *Очень грустная médecine. – Да, невесёлая*» (Бунин, 1988, с. 96) («В Париже») и т. д.

Примечательно, что в рассказах Бунина печаль соотносится с более широким спектром конкретных и абстрактных явлений и их ситуативных характеристик, чем полярная эмоция радости. Вместе с тем отмечена авторская приверженность к описанию того и другого чувства сквозь призму таких атрибутов внешнего мира, как свет и звук, при этом сочетания эмотивов печали с именами световой и звуковой семантики носят интертекстуальный характер, то есть встречаются в разных рассказах цикла «Тёмные аллеи». Так, если при описании радости на первый план выходит образ радостного солнца, то репрезентация печали осуществляется посредством ключевого для поздней прозы Бунина образа свечи, лампадки, ассоциативно связанного с лейтмотивами смерти и страдания: «...*таинственно теплились вокруг нас спокойными, грустными огоньками неугасимые лампадки...*» (1988, с. 203) («Чистый понедельник»). Аналогично этому звуковые реалии, получающие эмоциональную характеристику с помощью эмотивов печали, принадлежат не миру природы, а миру человека – это прежде всего музыка, колокольный звон, пение: «*Разве самая скорбная в мире музыка не даёт счастья?*» (Бунин, 1988, с. 144) («Натали»); «...*куранны то и дело тонко и грустно играли на колокольне*» (Бунин, 1988, с. 203) («Чистый понедельник»). Мы полагаем, что таким образом происходит имплицитное противопоставление жизни людей как юдоли скорби и жизни природы, которая видится Бунину источником гармонии, радости, счастья, благодати. Несомненно, что писатель, акцентируя этот контраст, остаётся верным привычке «соединения несоединимого» и использует при характеристике световых и звуковых явлений не только традиционные поэтизмы с размытой семантикой типа *печальный*, *скорбный* и т. п., но и эпитеты-оксюмороны, отражающие неоднозначность психологического впечатления, производимого данными явлениями на героя: «...*из главной залы всё заглушала полковая музыка, звучно гремя печально-торжествующими тактами вальса*» (Бунин, 1988, с. 138) («Натали»). Эти развёрнутые образные ряды, разрушающие стандартные предметно-смысловые ассоциации, выполняют не только функцию обозначения различных сторон такой многоаспектной реалии, как эмоция, но и стилистическую функцию усиления образности, метафорического разнообразия прозы. Напротив, как мы уже отмечали выше, в анализируемых рассказах Чехова описания природного мира посредством эмотивов печали являются довольно редкими: «...*прошлогодня листва печально шелестела под ногами...*» (1983, с. 3) («Дом с мезонином»). Как мы видим, чеховская эскизность в изображении внутренних переживаний, с одной стороны, и тяготение Бунина к использованию ярких индивидуально-авторских средств описания психологических состояний, с другой стороны, последовательно проявляются также в ходе эмоциональной характеристики явлений окружающего мира.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Как показывает проведённый анализ, эмотивы печали в прозе А. П. Чехова и И. А. Бунина характеризуются как общностью, так и различиями функциональной семантики. Среди общих семантических особенностей данных единиц можно выделить следующие: 1) в произведениях обоих авторов эмотивы печали употребляются как для описания внутреннего состояния героев, так и для эмоциональной характеристики явлений мира; 2) посредством этих единиц репрезентируются и статальный, и динамический аспекты эмоции, при этом первый обозначается в основном словами категории состояния (в прозе Чехова также с помощью имён прилагательных), тогда как второй – путём сочетания эмотивов печали с интенсификаторами либо с ментальными предикатами; оба автора довольно часто используют сочетания второго типа, тем самым подчёркивая тесную связь эмоциональных и интеллектуальных процессов; 3) большое место в прозе как Чехова, так и Бунина занимает описание амбивалентности состояния печали с помощью неявных оксюморонов, причём в бунинских новеллах эти обороты носят как традиционный, так и новаторский характер. К числу специфических особенностей функциональной семантики эмотивов печали в рассказах Чехова можно отнести то, что писатель почти не использует индивидуально-авторские метафоры для описания этой эмоции, тогда как в произведениях Бунина такие образные средства представлены довольно ярко. Кроме того, в бунинской прозе посредством эмотивов печали активно осуществляется эмоциональная характеристика явлений окружающего мира (прежде всего света и звука), тогда как в произведениях Чехова такие примеры не являются широко распространёнными.

К перспективам дальнейшего исследования рассматриваемой проблематики можно отнести, во-первых, углублённое сопоставительное изучение особенностей функциональной семантики обозначений других доминантных эмоций в рассказах А. П. Чехова и И. А. Бунина (радости, страха, страдания и т. д.); во-вторых, рассмотрение семантических признаков эмотивов различных микрополей, представленных не только в рассказах данных авторов, но и в произведениях других жанров (в драматургии – у Чехова; в лирической поэзии, романе – у Бунина); в-третьих, анализ структуры и качественной специфики целостного поля эмотивности в текстах указанных авторов.

Источники | References

1. Алексина Е. А., Степин С. Н. Формы психологического анализа в рассказах А. П. Чехова // Вестник науки. 2022. Т. 3. № 12 (57).
2. Алиева В. Н., Серебрянская Е. А. Языковые средства выражения эмоциональной тональности текста (на материале рассказов А. П. Чехова) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67). № 3.
3. Антюфеева Е. В. Тема любви и её репрезентация в художественно-речевой структуре рассказов И. А. Бунина: дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 2005.
4. Баженова И. С. Обозначения эмоций в художественном тексте (прагматический аспект): дисс. ... д. филол. н. М., 2004.
5. Гейдеко В. А. Чехов и Ив. Бунин. 1976. <https://a-chehov.ru/publikacii/chehov-i-bunin/p1>
6. Горелов А. Звезда одинокая. И. Бунин // Горелов А. Три судьбы. Ф. Тютчев. А. Сухово-Кобылин. И. Бунин. Л.: Советский писатель, 1976.
7. Двнятина Т. М. Специфика прозаического в поэзии И. А. Бунина // Русская литература. 1996. № 3.
8. Ильина Н. О. Эмотивные смыслы в художественном тексте (на материале произведений И. А. Бунина): дисс. ... к. филол. н. СПб., 1998.
9. Калимуллина Л. А. Эмотивная лексика и фразеология русского литературного языка (синхронический и диахронический аспекты): дисс. ... к. филол. н. Уфа, 1999.
10. Киселева Л. А. Параметры языкового моделирования эмоциональных ситуаций в художественном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 3.
11. Линков В. Я. Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. М.: Изд-во МГУ, 1989.
12. Муллинова Т. А. Эмотивная лексика в художественном тексте: функционально-семантический аспект: на материале романов А. Белого «Котик Летаев» и «Крещеный китаец». Краснодар, 2004.
13. Муминов В. И., Толстякова Ю. И. Средства выражения эмоций в произведениях А. П. Чехова // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30. Вып. 3.
14. Овсянко-Куликовский Д. Н. Вопросы психологии творчества. Пушкин. Гейне. Гёте. Чехов. М.: Юрайт, 2022.
15. Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004.
16. Телия В. Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка: сб. ст. М.: Наука, 1987.
17. Штейман М. С. Несколько замечаний о психологизме прозы Ивана Бунина // Научные известия. 2022. № 31.

Информация об авторах | Author information

Киселева Лариса Айратовна¹, д. филол. н., проф.

Тодосиенко Заррина Владиславовна², к. филол. н., доц.

¹ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

² Уфимский университет науки и технологий

Larisa Ayratovna Kiseleva¹, Dr

Zarrina Vladislavovna Todosienko², PhD

¹ Samara National Research University

² Ufa University of Science and Technology

¹ larisakiseleva2015@yandex.ru, ² venusjupiter@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.04.2024; опубликовано online (published online): 14.05.2024.

Ключевые слова (keywords): поле эмотивности; эмотивы печали; функциональная семантика; А. П. Чехов; И. А. Бунин; field of emotiveness; emotives of grief; functional semantics; A. P. Chekhov; I. A. Bunin.